

Индонезийцы и их соседи: Festschrift E. В. Ревуненковой и А. К. Оглоблину. Маклаевский сборник. Вып. 1. СПб., 2008. 432 с.; 16 ил.

В новой серии «Маклаевский сборник» Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук издана книга «Индонезийцы и их соседи», посвященная юбилею известных петербургских ученых-индонезиеведов — этнографа из МАЭ РАН Е. В. Ревуненковой и филолога Восточного факультета СПбГУ А. К. Оглоблина. Сборник издавался в канун их 70-летнего юбилея.

Достаточно редкое в ученом мире двойное посвящение научного сборника в данном случае совершенно оправдано. Жизненные пути Е. В. Ревуненковой и А. К. Оглоблина тесно переплетены. Будучи ровесниками и однокурсниками, они учились в одной группе в студенческие годы, стали коллегами, всегда успешно сотрудничали по работе и остаются близкими друзьями на протяжении жизни. Объединяет эти имена общая сфера научной деятельности — индонезиеведение — и неизменные уважение и любовь к ним со стороны учеников и коллег.

Во вступительной статье рассматриваемого сборника его ответственный редактор М. В. Станюкович (сама ученица А. К. Оглоблина и Е. В. Ревуненковой), отдавая дань любви и уважения Елене Владимировне и Александру Константиновичу, пишет, что «в сборник вошли в основном доклады, сделанные на конференции в честь 40-летия их научной деятельности. Подготовка конференции носила характер дружеского заговора учителей, учеников и коллег юбиляров: до последнего момента она была замаскирована под «обычные Маклаевские чтения, ежегодно проходящие в Кунсткамере»».

В соответствии с традицией сборник открывается библиографиями работ обоих юбиляров, а также содержит 31 статью, посвященную проблемам лингвистики, фольклора, этнографии и антропологии. Помимо народов Индонезии в сборнике рассматриваются соседствующие по региону и связанные в корневых культурных аспектах народы континентальной Юго-Восточной и Южной Азии, а также Океании.

Сборник собрал замечательный состав авторов, представленный учеными Петербурга и Москвы, а также французской исследовательницей Николь Ревель (Национальный центр научных исследований, Париж), американкой Патрицией Афабле (Институт Смитсоnian, Вашингтон) и аспиранткой факультета журналистики Хенни Сапгатаи (СПбГУ) из Индонезии.

В сборнике три раздела. Первый раздел «Языки» открывается статьей Н. Ф. Алиевой (ИВ РАН) «Структурная эволюция малайского языка. Соотношение средств синтетизма и аналитизма в разных текстах». Автор по результатам статистического обследования приходит к выводу, что «существенных сдвигов общего характера в эволюции малайского языка как в Малайзии, так и тем более в Индонезии они не демонстрируют.

Есть стилистические варианты, в которых заметно ослабление синтетичности, причем также не единообразно — ослаблению синтетичности в выражении грамем может сопутствовать ее усиление в области деривации, особенно именной (здесь, вероятно, ощущаются результаты влияния английского языка). Есть также и стилистические варианты, где индексы синтетизма и в лексике, и в грамматике существенно выше, чем в текстах старой литературы на малайском языке. Эволюция и жизнь современного малайского языка — это живой многосторонний процесс, который происходит не изолированно, а в контакте с языковым окружением на территории Малайзии (и на Малакском полуострове, и на Борнео), а также во взаимодействии с процессами развития и совершенствования индонезийского языка в Индонезии» (с. 56).

Другая московская малаистка Т. В. Дорофеева (ИСАА) представила в сборнике статью «Преподавание индонезийского и малайского языков в странах мира». Это интересная для всех востоковедов тема, разумеется, особенно привлечет внимание индонезистов, поскольку в статье не только рассматриваются центры всех стран мира, где преподаются малайский и индонезийский языки, но и указывается, как ведется преподавание различных вариантов малайского и индонезийского языков и их сочетаний с другими языками региона.

Вывод, к которому пришла Т. В. Дорофеева, неутешителен и требует осознания науч-

ным сообществом. Малаистика как научное востоковедение в разных странах мира переживает кризис, общий для гуманитарной науки вообще. Несколько большие перспективы развития имеет практическая малаистика (страноведение и овладение языком в нужной степени), которая может, однако, сильно разниться в зависимости не только от страны или вуза, но и от конкретного учебного плана или практической задачи (с. 91).

В статье В.Б.Касевича и И.И.Ким (оба из СПбГУ) «Фонетика и грамматика: типологические аспекты (на материале китайского и бирманского языков)» сопоставляются фонетические и грамматические аспекты бирманского и китайского языков.

Материал, приведенный в статье, показывает, что существует значительная разница между данными по длительности межсентенциальных пауз в бирманском и китайском языках: в бирманском паузы при возрастании темпа сокращаются всего на 6%, в то время как в китайском — на 30%. Авторы делают вывод о корреляции фонетики и грамматики. Паузы между предложениями бирманского текста значительно меньше по длительности, чем аналогичные паузы в китайском тексте, в бирманском даже паузы медленного темпа короче пауз быстрого темпа в китайском.

Соответственно бирманским межсентенциальным паузам почти «некуда» более сокращаться при возрастании темпа. А краткость бирманских пауз в свою очередь может быть обусловлена существенной определенностью, маркированностью границ между предложениями в бирманском языке: бирманский принадлежит к синтаксическому типу SOV с «сильно маркированным» концом предложения, где в исходе всегда глагол-сказуемое с его специфическим оформлением. Такая грамматическая определенность конца предложения нехарактерна для китайского языка — отсюда большая «потребность» в обозначении конца предложения фонетическими средствами.

Иначе говоря, авторы полагают, что для китайского языка при определении границ между предложениями более существенна роль фонетических факторов, тогда как для бирманского — грамматических (с. 96).

С.Е.Яхонтов (СПбГУ) в статье «Глоттохронология и степени вежливости в яван-

ских языках» использует более ранние работы А.К.Оглоблина и, сопоставляя мадурский, яванский и сунданский языки, добавляет в свою работу тагалский, мокен, зарай, чам (тям). Далее на основе сопоставления 100 слов он приходит к выводу о «существовании в этих языках степеней вежливости (“форм обращения”, “этикетных отношений”), т.е. необходимость для говорящего использовать разные слова для обозначения одних и тех же понятий в зависимости от социального статуса лица, к которому он обращается. Наличие двойных обозначений для многих понятий может привести к более быстрым, чем обычно, изменениям в лексике» (с. 141).

Статья Ю.А.Ландер (ИВ РАН) «‘Слово’ и ‘язык’ в языках Нусантары» посвящена интересной проблеме лексической типологии.

Автор выделяет три основных фактора, которые могут влиять на то, противопоставляются ли лексически ‘язык’ и ‘слово’:

- 1) грамматический фактор (грамматикализованность числового противопоставления),
- 2) «внешний» фактор (влияние другого языка),
- 3) гипотетический «культурный» фактор (наличие развитой культурной традиции).

При этом если корреляция между наличием развитой культурной традиции и лексической оппозиции ‘язык’ vs. ‘слово’ действительно существуют, то скорее всего речь здесь идет не о многозначности, а о наличии или отсутствии понятийного противопоставления языка и слова (т.е. и то, и то могло осознаваться как реализация более общей концептуальной категории). Действительно, простейшее объяснение наличия этого фактора состоит, вероятно, в том, что соответствующая лексическая оппозиция появилась тогда, когда понадобилось противопоставить эти понятия.

Этот феномен важен не только для языков Нусантары, но и вообще для новой и развивающейся дисциплины — лексической типологии. И в этой связи автор обращает особое внимание на грамматический фактор, который показывает иллюзорность разграничения грамматики и словаря, разграничения, постулируемого во многих современных лингвистических теориях (с. 126–127).

Помимо рассмотренных работ первый раздел содержит весьма интересные статьи:

Е. А. Баклановой (ИСАА) «Обзор работ о заимствованиях в тагальском языке» (с. 59–77); О. Ю. Крайнюк (Агентство Бали, Москва) «Лексические различия между индонезийским и малайзийским языками» (с. 97–99); Ю. Ю. Крылова (СПбГУ) «Обозначение стран света в некоторых языках Юго-Восточной Азии и Океании» (с. 100–115); Е. В. Швец (Агентство Бали, Санкт-Петербург) «О переводе русских реалий на индонезийский язык (на материале пьесы А. П. Чехова “Вишневый сад”» (с. 129–133).

Второй раздел сборника «Фольклор, литература, мифология, религия» открывает статья М. Альбедиль «О мифологичности индуизма». Автор рассказывает о сюжетах, бесспорно важных практически для всех стран региона и приходит к выводу, что живучесть мифов индуизма состоит, по-видимому, «в численном преобладании сельских общин, в жизни которых тысячелетиями не менялись экономические и социальные условия жизни. В деревнях, где сосредоточена большая часть населения страны, мифы остаются главным источником традиционной образованности. Другая причина, также вполне очевидная, состоит в особенностях образования. Юные индийцы не одно тысячелетие воспитывались на мифологических примерах, а когда стали создаваться школы современного образца и для них составлялись программы и писались учебники, то в них вошли важнейшие мифологические персонажи и эпизоды» (с. 149).

В статье С. В. Банит (СПбГУ) «К вопросу об историчности исторических шаиров» рассматриваемый вопрос представляется автору чрезвычайно важным для определения жанровой принадлежности многочисленных малайских произведений, называемых историческими шаирами. Автор анализирует целый ряд текстов и конкретных событий, вывод же далек от определения жанра, а касается практического применения шаиров: «Повествование о судьбах правящего дома и страны велось в них так, чтобы вскрыть тайный смысл событий и природу незримых сил, действующих под видимой поверхностью, и тем самым обретало дидактическую направленность на примерах или, точнее, уроках истории, воспитывая государей и их подданных» (с. 159).

Статья Ю. Е. Березкина (МАЭ РАН) «Тихоокеанский и центрально-евразийский ком-

поненты америндейских мифологий» посвящена фольклорно-мифологическим текстам, в которых автор обнаруживает одинаковые фабульные, образные и структурные элементы — мотивы.

Анализ распространения мотивов по ареалам и сопоставление полученной картины с данными археологии и популяционной генетики позволяют строить гипотезы относительно того, к какому периоду относится появление фольклорных сходжений, обусловлены ли они единым происхождением ныне разных традиций или же иными причинами. Соответствующая этой задаче база данных (содержащий резюме текстов электронный каталог мотивов и таблица распределения мотивов по ареалам в формате *sav) была создана и расширяется при поддержке РФФИ и других российских научных центров (с. 161).

В статье М. А. Болдыревой (ИВР РАН) приводится интерпретация одного стихотворения индонезийского поэта Ситора Ситуморанга. Но М. А. Болдырева посвящает свой сюжет двум нашим юбилярам. «Мне захотелось остановиться на стихотворении Ситора Ситуморанга потому, что Елена Владимировна, не так давно побывав на его родине, в Северной Суматре, до того лично встречалась с ним. Известна увлеченность Елены Владимировны предметом, которым она занимается, ее энергия, необходимая также для дальнейших путешествий, принимаемых ею для пополнения знаний.

Александр Константинович, будучи замечательным, талантливым лингвистом, прекрасно знает и литературу Индонезии, впрочем, так же как и все, касающееся этой страны (что в первую очередь хорошо известно его студентам)» (с. 180).

Е. В. Ревуненкова представила в сборник свою статью «Лодка, камень, гора в малайском мире». В контексте мировой мифологии она рассматривает представление о горе как обиталище душ умерших и центре (оси) мира, пересекающееся с представлением о мировом дереве и вписывающееся в широко известные мировые традиции, связанные с понятием «гора». А затем исследует триаду «лодка-камень-гора» — один из самых устойчивых мировоззренческих стереотипов у народов малайско-индонезийского региона, имеющий широкие параллели и аналогии в традицион-

ном сознании разных народов мира. Восходящие к глубокой архаике образы и представления, связанные с лодкой, камнем и горой, стали важнейшими культурными символами, которые постоянно воспроизводятся во все последующие эпохи, накладывая свой отпечаток на социальную организацию, религиозно-мифологическую картину мира, ритуал, фольклорное и литературное творчество, ремесло и изобразительное искусство многочисленных обитателей малайского мира (с. 219).

Весьма интересна и содержательна включенная в сборник на английском языке статья французской исследовательницы Николь Ревель «Героические персонажи как модель лидера в филиппинском устном эпосе» Автор статьи — специалист по эпосу и традиционной культуре народов юга Филиппин, в первую очередь острова Палаван. Благодаря ее энергии, энтузиазму, организаторским способностям эпическое творчество филиппинцев стало темой круглых столов, симпозиумов и конференций как на Филиппинах, так и за рубежом (с. 224).

В статье «Эпическое сказание ифугао “Алигуён, сын Биненухаена”»: сюжет, персонажи и топонимы» М. В. Станюкович рассматривает богатый материал собственных полевых исследований. Задачу публикации автор видит в том, чтобы создать формализованную парадигму описания персонажей и организации пространства художков на уровне антропонимов и топонимов. В результате глубокого и подробного анализа текстов автор приходит к заключению, «что герои художков воспринимаются как *halupe ma'ule*, т. е. доброжелательные, милостивые боги и духи. К помощи персонажей этой традиции обращаются и мужчины. В наши дни к ним прибегают главным образом для любовной магии и привлечения голосов избирателей» (с. 241).

Во второй раздел сборника включены статья А. Г. Сторожука (СПбГУ) «Представление о человеческих душах в китайской новелле VII–X веков» (с. 244–257), а также статья Е. А. Черепневой (ИМЭМО РАН) и Н. А. Толмачева (Посольство РФ в г. Джакарте), посвященная истории и этнокультурным особенностям православия в Индонезии (с. 258–268).

Третий раздел сборника посвящается антропологии, этнографии и этнической истории региона.

Статья А. К. Оглоблина «Яванский Петрук и русский Петрушка» — это прелюбопытное по содержанию и изящное по форме сопоставление фольклорных героев. Автор касается одного из яванских панакаванов по имени Петрук. Панакаваны — спутники главных героев театра теней — *ваянга*, явившиеся исконно яванским добавлением к сюжетам, заимствованным из индийского эпоса — «Махабхараты» и «Рамаяны». «Сходство Петрука с русским Петрушкой типологическое (не говоря о чисто случайном сходстве имен). Петрушка, как полагают, заимствование из итальянского театра в XIX в., он не связан с какой-либо известной мифологией и ее известным зрителям миропорядком. Вместе с тем легкость, с какой он побеждает всех, — цыгана, доктора, немца, солдата и даже полицейского или городского, заключает в себе некоторое загадочное волшебство. Возможно, образ трикстера присутствовал и в русском народном сознании, и это стало причиной легкости заимствования. Чужой персонаж легко накладывался на такое бессознательное представление и в результате стал своим, русским Петрушкой» (с. 378).

Думается, что непреходящий интерес вызовет статья американской исследовательницы Патриции Окубо Афабле об этнической истории Южной Кордильеры Северного Лусона, опубликованная в переводе М. В. Станюкович (с. 277–302).

Кроме этих статей в третьем разделе помещены работы В. Р. Атнашева (СЗАГУ) о празднике *Кате тямов Вьетнама* (с. 268–276); А. Г. Козинцева (МАЭ РАН) «Индонезийцы, индейцы и протоморфные монголоиды Западной Сибири» (с. 355–360); П. Л. Белкова (МАЭ РАН) «Принцип “скрытого образа” в традиционном полинезийском искусстве» (с. 303–312); Е. В. Ивановой (МАЭ РАН) «Бронзовый и железный век на территории Таиланда в свете последних археологических открытий» (с. 313–323).

Несколько отличается от рассмотренных страноведческих работ статья В. Н. Кислякова (МАЭ РАН), посвященная ранней истории (до поступления в него коллекций Н. Н. Миклухо-Маклая) формирования коллекционного фонда Музея антропологии и этнографии по Новой Гвинее (с. 324–354). Она представляет интерес для индонезиеведов и других специа-

листов по этому региону, поскольку описывает историю дорогой для всех нас коллекции МАЭ РАН, а также содержит предметно-систематический указатель ново-гвинейской коллекции.

С. В. Куллада (ИВ РАН) в статье «КАНУ-LUNAN — FAMILIA» исследует древнеяванские термины родства, образованные от слова *hulup* «раб, холоп, слуга». Они вызывали и продолжают вызывать много споров не только по поводу этимологии, но и потому, что от их трактовки зависит толкование некоторых «темных» моментов яванской истории. Автор оригинально, очень основательно — с привлечением широкого круга научных материалов — и весьма остроумно находит и рассматривает эту яванско-латинскую параллель (с. 361–364).

И. Н. Соломоник (Музей Центрального театра кукол им. С. Образцова) рассказала о Международной конференции, состоявшейся 1–2 июля 2004 г. в г. Куала Лумпуре, посвященной теневому театру. В результате своего участия в конференции автор сделала вывод, что «лучшее будущее для теневого театра — консервация его представлений в музеях (как это сделано, например, в музее ваянга кулит в Джокьякарте на соседней Яве). В самой же Малайзии, где ислам занимает очень прочное место в жизни страны, этим традиционным

представлениям, наполненным доисламскими верованиями, выжить еще труднее, чем в более толерантной к ваянгу соседней Индонезии» (с. 402).

Завершается третий раздел сборника статей Хенни Саптагиа о кризисе независимости на Восточном Тиморе в 1999–2001 гг. Автор рассказывает о трагических событиях, участии в них австралийских боевых бригад, росте числа беженцев, об освещении этих событий американскими, европейскими и японскими телевизионными каналами. А также о нелегких путях преодоления кризиса (с. 405–411).

Наши юбиляры — Е. В. Ревуненкова и А. К. Оглоблин — носители лучших традиций петербургской востоковедной школы. Эти традиции они передают своим ученикам и коллегам, с которыми щедро делятся прекрасным знанием индонезийского языка, глубоким пониманием древней и современной культуры Нусантары, изысканиями в теоретической антропологии и лингвистике.

Хочется поздравить Музей антропологии и этнографии РАН с новым изданием и успешным началом новой серии, всех коллег-востоковедов — с получением отличной научной книги, а дорогих учителей — еще раз — с юбилеем!

Г. Т. Тюнь